В Смоленске, как в далёкой стране Кемет, сиречь Египет, есть своя Долина мёртвых, это – правый берег Днепра вниз по течению от города. Правда, в египетской Долине гробницы все сановников да царей, почему и называют её ещё Долиной царей, а на правом берегу Днепра находили свой причал воины, хотя и многие – офицерского звания и несколько генералов, но много и обычных людей. Необычно было то, что смерть их долго оставалась тайной.

Начинается этот берег мёртвых на городской окраине и тянется примерно на десять километров на запад параллельно Витебскому шоссе. Места эти занимают два леса – Красный бор и Катынский. Песок и сосны, невысокие холмы, Днепр и чистые озёра придают местности своеобразие. Сюда издавна тянулись горожане подышать сосновым воздухом, отдохнуть, позагорать и выкупаться. Здесь возводились дома отдыха и пионерские лагеря. В детстве и автору этих строк довелось проводить там в пионерском лагере по летнему месяцу, рвать на озере белые кувшинки и оставлять букет на тумбочке спящей девчонки, лазить в «бункер Гитлера», а потом сочинять страшные истории на ночь об этом и слушать чужие рассказы... Детство на берегу мёртвых оставило яркие впечатления. И довольно долго этот берег воспринимался именно местом детских и подростковых приключений... Какой ещё берег мёртвых?

Но в поздних экскурсиях туда вызревало именно это название.

И однажды оно явилось со всей беспощадной ясностью.

* * *

Древнейший «причал» берега мёртвых находится примерно посередине. Это – Гнёздовские курганы. Когда-то курганов было около 4000. Сейчас – около 1500. Как пишут, это крупнейший могильник Восточной и Северной Европы. Курганы относятся ко времени образования древнерусского государства.

Высказывалось предположение, что именно здесь был возведён первоначальный Смоленск. Летопись сообщает о Смоленске в 863 году, а в самом Смоленске культурного слоя этого времени археологами не обнаружено. Но и самым древним курганом в Гнёздове считался курган под номером 15 из раскопок Кусцинского с вонзённым по обычаю варягов мечом в землю, копьём с дамаскированным лезвием, урнами с железной гривной и молоточками Тора. Этот курган был отнесён исследователем к девятому веку. Но известный археолог Д. А. Авдусин доказал, что твёрдых данных для такой датировки попросту нет. Он считает, что «гнёздовское курганное кладбище функционировало не более ста лет: с начала 10 по начало 11 в.»[1]

Так какой «град велик и мног людьми» видели приплывшие варяги Аскольд и Дир под именем Смоленска? Если город показался им великим и неприступным, так что «брать его на щит» они не отважились, то, наверное, стоял тут не первый год, и культурный слой должен был образоваться?

Курганы в Гнёздове

[1] Смоленск и Гнёздово, 1991. Издательство Московского университета.

Ястреб в Гнёздовском лесу

В последнее время археологи сообщают, что на Соборном холме открыли культурный слой, относящийся к 9 – 10 вв. Но, похоже, находка эта скромна.

Древний Смоленск как призрак.

Авдусин называет Гнёздово проходным двором. Через это поселение шёл транзит из Балтики в Чёрное море – из варяг в греки. Кто его контролировал? Кривичи или варяги? Варяжских курганов здесь, по оценке Авдусина, более ста. В них урны с различными предметами: ножами, фибулами; мечи, лезвия копий, амулеты, заклёпки от сгоревшей ладьи. Обнаружены женские скандинавские и детские захоронения. Любопытно, что высота кургана определялась прижизненным статусом усопшего. Курган в полтора метра высотой можно, по-видимому, считать могилой простого человека. Впрочем, тут можно гадать. «Однако ясно, – пишет Ю. Э. Жарнов, – что мужчины и женщины, над останками которых были насыпаны курганы выше 2,5 м, занимали наиболее заметное место в обществе». И далее исследователь замечает, что «нескандинавских погребений в курганах, высота которых была бы больше 2,5 м, в Гнёздове, по данным нашей выборки, нет»[1].

Наверное, это обстоятельство и позволило А. А. Спицыну, комментатору и издателю монографии В. И. Сизова, первого исследователя гнёздовских

[1] Смоленск и Гнёздово, 1991. Издательство Московского университета.

Курганы и корни

курганов, заключить, что Гнёздово «обилует русским населением, но господами в нём являются многочисленные норманны»[1].

С обнаружением в позапрошлом веке – случайным, при дорожных работах – гнёздовского могильника тут же навострили уши норманисты и антинорманисты. Баталии вспыхнули с новой силой.

Факт: гости из Скандинавии варяжили на просторах Древней Руси. Даёт ли это основание утверждать, что они и были создателями государства?

В 2012 году журнал «Нева» проводил опрос на тему 1500-летия российской государственности, анкета была прислана и мне. Третьим пунктом был как раз норманнский вопрос. Привожу свой ответ:

«В этом пункте скрытый вопрос: какую из теорий принимаете? Можно спорить о характере призвания Рюрика и вообще подвергать его сомнению, но не выбросить слов из песни, а имен из истории. А с именами скандинавскими крепко переплетены нити русской истории. Имя объединителя северных и южных земель в государство Киевская Русь – скандинавское. Договор 911 года, например, с Царьградом отправились заключать Карлы и Фарлофы, в списке делегации много имён, и только, может быть, два – славянские. Спокойное суждение Сергея Соловьёва о том, что не стоит из разъединения и несогласия славянских племён выводить родовую черту славянской народности, что это всего лишь этап развития, который одни народы проходят по тем или иным причинам раньше, а другие позже (германцы, например, раньше благодаря тому, что восприняли идеи государственности,

[1] Смоленск и Гнёздово, 1991. Издательство Московского университета.

оказавшись на римской территории), и что Рюрик был призван в качестве третейского судьи между враждовавшими родами, суждение это кажется здравым и основательным. И, наоборот, утверждение советского учебника истории о том, что княжение Олега «незначительный и недолговременный эпизод, излишне раздутый некоторыми проваряжскими летописцами и позднейшими...» и т. д., вызывает удивление явной несуразностью и нелогичностью: тридцать лет княжения в обстановке, которую никак не назвать умиротворённой, – много это или мало?

Корчага

Но всё-таки вряд ли можно считать «призвание варягов» судьбоносным и определяющим. Днепровские пороги не могли превратиться в фиорды по мановению даже сильной руки».

То есть – ментальность народа, различные особенности, географические координаты, природные условия и многое другое не под силу перекроить любым варягам с харизматичными предводителями. Пётр Первый пытался это делать. Но, как говорится, воз и ныне там.

...Побродить среди молчащих курганов довольно просто: маршрутное такси довозит до гнёздовских сосен за двадцать минут. Раз – и ты переправился на тот берег. Правда, курганы в соснах не молчат. И не только поют птичьими голосами. В сосновом лесу есть курган под номером Л-13. Сейчас на нём установлен памятный знак. В 1949 году археологами под руководством Д. А. Авдусина в этом кургане были найдены поистине драгоценные осколки амфоры. Когда осколки сложили в амфору, то смогли прочесть процарапанную надпись: ГОРОУШНА.

Это было древнейшее письменное слово на русском языке. И оно зазвучало на разные лады: гороухща, Гороух пса (л), и первое означает нефть, ну а второе – какого-то Гороуха.

Сам Авдусин читал надпись как «гороушна», то есть горчичное семя. Человеку, знакомому с Библией, с Новым Заветом, не может не прийти на память притча как раз о горчичном зерне: «Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своём, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его»[1]. Любитель нумерологии сразу отметит

[1] Мф. 13:31-32

Курган Л-13

и совпадение номера кургана с номером этой главы. Правда, в десятом веке, к которому относится это погребение купца, под сенью гнёздовских сосен звучали иные притчи, звучали имена языческих богов. Но сами буквы вышли ведь из рук создателей азбуки – христианских монахов Кирилла и Мефодия. И уже близилось время, когда по Днепру, текущему мимо гнёздовских сосен, взойдёт от Киева новая вера, с её знаменитым изречением о слове: «В начале было Слово...» Первый перевод этой строки на славянский язык как раз дали Кирилл и Мефодий.

Так что первое письменное русское слово принадлежит Смоленску. Можно сказать, что его подхватили давние жители этого города, и первый писатель Смоленска Ефрем создал «Житие преподобного Авраамия», а там явились и другие писатели, возможно и писцы, накропавшие «Радзивиловскую летопись», затем историки Иосиф Шупинский и Никифор Мурзакевич, хороший писатель Фёдор фон Эттингер с его романом «Башня Веселуха», наконец, великолепный фантаст Александр Беляев, прозаик Борис Васильев, песенник и поэт Михаил Исаковский и великий Твардовский. От «Гороушны» – до «Страны Муравии» и «Тёркина».

Продолжается эта жизнь зерна, обретённого в Гнёздове, и сейчас. Вот смоленский поэт Владимир Макаренков совсем недавно написал песню, в припеве есть такие строки:

«Время – река, «гороушна» –
Голос с того бережка».

И ведь в самом деле, это слово, как шёпот, и его можно услышать в шелесте сосновых и дубовых крон.

* * *

А начинается стихотворение такими строками:

«Беспамятства капканы
Расставили века».

Пытливые люди противоречат этому – беспамятству. В Гнёздове работают археологи, бескорыстно им помогают энтузиасты.

Направо от курганов, в четырёх – пяти километрах, находится Немецкое кладбище, мемориал как раз памятливости. На каменных плитах выбиты имена более четырех тысяч фашистских солдат и офицеров, погибших при боях за Смоленск и в других сражениях. Центральная аллея к каменному кресту на каменном постаменте выложена плиткой. Среди елей и сосен по три каменных креста: большой и два поменьше. Подразумевают ли эти символы звания или что-то другое? Невольно возникает ассоциация с детьми. Но здесь, в этих местах, гибли советские, а совсем не немецкие дети. Может быть, имеются в виду дети в далёкой Германии? Дети, не дождавшиеся своих отцов, да и не выжившие под союзническими бомбёжками.

Внучка археолога Авдусина – Светлана и её помощники

Кресты Немецкого кладбища

Немецкое кладбище

Монумент на Немецком кладбище

Не знаю, каково было немецким детям в войну, а вот о том, как жили в оккупацию смоленские дети, мои родители рассказывали. Коротко говоря, мама до сих пор сводит брови, услышав что-нибудь о немцах, а отец в своё время завалил экзамен по немецкому, хотя способности к языку у него были хорошие; другого иностранного языка в то время у них в школе не преподавали, а этот он не мог терпеть, не забывая немецких солдат, «гостивших» в его с матерью хате, – а отец, мой дед Пётр, в это время сражался с ними на фронте. В Каспле немцы расстреляли подружку моей матери, девятилетнюю девочку.

Власти, уступившие настойчивости немцев и отдавшие им эту территорию под мемориал, поступили, наверное, мудро... Смогли, так сказать, абстрагироваться и взглянуть на это место «бережка» так же, как и на гнёздовский участок. Не всем это под силу...

Но что толку воевать с мертвецами? Они заплатили сполна своими жизнями. Хотя стоит ли жизнь какого-нибудь ефрейтора Ханса жизни девочки-касплянки? Жизнь этой девочки много дороже.

И немцы понимают, что они в неоплатном долгу перед всем миром. Призрак фашизма в Германии подсуден.

Немецкое кладбище оставляет впечатление строгости, крепости и сумрачности. Оно стоит в Красном бору, будто некий тевтонский замок, населённый мертвецами в ржавых крестах, продырявленных касках, с оторванными кистями или разбитой грудной клеткой, безносыми рыцарями с отверстыми в вечном крике ртами. И этот крик не во славу фюрера. Хотя и среди них были идейные и бесноватые фашисты, фашисты, так сказать, до безмозглости костей. Фашизм заразителен. Говорят, сюда и приезжают подышать вовсе не реальным сосновым воздухом, а метафорическими миазмами современные почитатели фюрера и всех его идей, почитатели-потомки как раз тех, кого фашистская доктрина числила полулюдьми, рабами и так далее. И это поистине фантастический Kunststück[1] истории. Kunststück Адольфа Гитлера.

Но при внимательном рассмотрении кунштюк не столь уж и фантастический. Фашистскую идею, упрощая, можно выразить следующим постулатом: государство – всё, человек – ничто.

Теоретики всё время подчёркивают, что смешивать фашизм и коммунизм смешно и недопустимо. Но вот идеолог итальянского фашизма Юлиус Эвола в «Ориентациях» пишет, что в доктрине фашизма Идея и Государство превыше всего. «Объединяет не земля или язык, но общая идея». Национальную идею он считает сентиментальной и примитивной. Религия Эволы – этатизм. Государство он считает явлением сверхмира.

Эвола открещивается от большевиков: «Большевистские главари безжалостно следовали своим идеям. Им были безразличны те следствия, те невиданные бедствия, к которым ведёт практическое применение абстрактных принципов. Человека для них не существовало».

Читая Эволу, можно войти в ступор. Это пишет фашист, вдохновитель Муссолини (по крайней мере, один его труд дуче хвалил), философ, сочувствовавший Гитлеру и находивший в опыте национал-социализма много положительного. Большевистские главари истребляли ради идеи толпы, а фашисты – нет? На замёрзшем дне Коцита есть две зоны, два концлагеря: сталинский и фашистский. *Практическое применение абстрактных принципов* что фашизма, что коммунизма одинаково бесчеловечно, и какая разница, против кого в первую очередь эти принципы применялись: против ли евреев и цыган или против отпрысков княжеских фамилий, священников, свободомыслящих философов. Результат один: кости, вмороженные в лёд, черепа с глазницами, забитыми инеем идей.

Явление сверхмира? Может быть, но скорее это мир преисподней.

А вообще, другой философ – Ренан – говорил о плане природы, в котором во внимание принимается вид, а индивид приносится в жертву. Но люди

---

[1] Кунштюк (нем.) – ловкий приём, фокус, уловка.

«Бункер Гитлера»

уже научились противостоять этому плану. И что же это за явление сверхмира – государство, – следующее на самом деле законам природы? Явление, пожирающее своих подданных зачастую беспричинно, в слепой ярости?

Муссолини в своей «Доктрине фашизма» определяет фашизм, как «организованную, централизованную и авторитарную демократию».

Что-то это напоминает, что-то до боли знакомое?..

В общем, если поставить знак равенства между фашизмом и этатизмом, тогда можно как-то понять русских фашистов.

Но... за всем этим дьявольская ухмылка Гитлера, отводившего славянам роль слуг, ухмылка *проигравшего*...

Чуть в стороне от Немецкого кладбища мрачно каменеет огромный куб – так называемый «бункер Гитлера».

«Беренхалле» – «Медвежью берлогу», подземный комплекс – стали возводить немцы в 1941 году. Предполагалось здесь разместить ставку Гитлера, штаб группы армий «Центр». Сюда приезжали фашистские военачальники и якобы Адольф Гитлер.

Слухов об этих сооружениях ходило много, воображение будоражили предположения о спрятанных документах, наворованных сокровищах, среди которых могла оказаться и смоленская святыня – древняя Одигитрия, пропавшая как раз во время войны из Успенского собора. Энтузиасты аквалангисты погружались в воду затопленных коммуникаций «Медвежьей берлоги» и потом рассказывали дух захватывающие истории о глубоких шахтах, о конференц-зале на 250 мест, о подземельях, ведущих к Днепру, к тайному аэродрому и т. п. и т. д. Целый город мёртвых!

Наконец губернатор Маслов в 2003 году распорядился провести изыскательскую экспедицию в Красном бору. Изыскания длились почти полгода. Поисковики обнаружили затопленные коммуникации, заваренные люки, водопровод. Тем временем из немецкого архива пришёл ответ на смоленский запрос о «Беренхалле», из которого следовало, что ставку Гитлера здесь передумали открывать и сооружения были переданы «Центру». И на этом всё завершилось.

Но «Беренхалле» продолжает волновать воображение краеведов, поисковиков, журналистов. Они утверждают, что в 1996 году сюда приезжал адъютант Гитлера, – спрашивается, зачем? Резонный ответ: затем, чтобы почтить память павших на расположенном рядом Немецком кладбище, их не устраивает. Как и вообще размещение этого кладбища именно здесь: мол, на немецкой карте фашистских захоронений в Смоленске Красный бор не был указан. Почему они выбрали это место для скорбного комплекса?

Ну потому, что место удобное, красивое.

Э-э, нет, отвечает изыскатель, тут что-то не так...

* * *

Дальше на запад – за уходящим солнцем – Катынский лес.

Когда я рассказал другу о нашей поездке в Катынский лес, он тут же вспомнил одно знакомство с местным парнем, успевшим послужить в свои двадцать пять лет в органах госбезопасности, подравшимся на танцах в смоленской «Молодости» с дружинниками и милиционерами, – что и стало причиной увольнения. Так вот: он ещё в начале восьмидесятых без тени сомнения говорил другу Евгению, что поляков в этом лесу постреляли энкаведешники, для местных это давно не секрет, и каждый год поляки приезжают сюда на поминовение: кладут на могилу меч и читают молитвы. Что за меч, уже не уточнишь. Но важно не это в сообщении моего друга, а то, что «капкан забвения», который с таким усердием устанавливали и настораживали – да не кто-нибудь, а целое мощное государство СССР, – капкан этот не действовал. Местные – знали правду. Можно, конечно, объяснить осведомлённость того парня родом его недолгой службы, но нет сомнения, что этим знанием он делился с другими. Да тут важно то, что он родился именно на этом берегу, который мы условились называть берегом мёртвых. Местные, повторим, правду знали и без открытых в 1992 и в 2010 годах совершенно секретных документов по Катынскому расстрелу.

А сколько сил государство большевиков потратило на сокрытие этого деяния!

Впервые во всеуслышание о Катынском расстреле заявили фашисты. Это случилось в 1943 году, немцы обнаружили и раскопали массовые захо-

Иконка в Катынском лесу

ронения польских офицеров, о судьбе которых давно беспокоились их соотечественники. Это были люди, пленённые войсками СССР, вошедшими в Польшу в 1939 году. Челюсти обеих госмашин – фашистской и большевистской – сомкнулись на Польше. Начиная с восемнадцатого века Россия делила Польшу с «тевтонцами». И это произошло в очередной раз. 250 тысяч польских военнослужащих оказались в советском плену. Среди офицерского состава были призванные в армию учителя, инженеры, врачи, студенты, профессора. Маялись они по сталинским лагерям: в Козельске, в Осташкове, в Старобельске и в других местах бескрайней России. По воспоминаниям очевидцев, держались польские военнопленные независимо и гордо[1]. И пленными себя, добавляет другой очевидец, как будто не считали[2]. Среди них циркулировали устойчивые слухи о скором освобождении, о передаче англичанам и т. д. Узники могли отправлять и получать письма, открытки. С родины им писали: «Дорогой папа, наверно война скоро кончится. Мы очень скучаем по тебе и страшно тебя целуем. Ирка подстригла себе волосы, и мама очень сердилась. Мама хотела послать тебе тёплые перчатки, но... В апреле поедем к дяде Адаму, и я тогда напишу тебе, как там...»[3]

Ну а тем временем Лавренти Павлез дзе Бериа, как звучит по-грузински имя российского революционера, государственного и политического деятеля СССР, наркома внутренних дел, написал записку, начинавшуюся так:

---

[1] В. Абаринов. Катынский лабиринт. М. новости, 1991, с. 38, 47.

[2] Там же.

[3] Юзеф Мацкевич. Катынь. Издательство «Заря», Лондон, Канада, 1988, перевод с польского С. Крыжицкого.

Польское кладбище

«В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к[онтр]р[еволюционных] партий, участников вскрытых к[онтр]р[еволюционных] повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к[онтр]р[еволюционную] работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждёт освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти».

Что же следует с ними делать? Революционная логика проста: «Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к[онтр]р[еволюционных] шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков –

«Столыпинский вагон», в котором перевозили заключённых

– рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения...»

На этой записке появляются державные подписи И. Сталина, К. Ворошилова, А. Микояна, В. Молотова: за. На полях буковками мелкими стоят фамилии Калинина и Кагановича: за, за.

Судьба этих тысяч человек была решена.

Из лагерей в Козельске, Старобельске, Осташкове тронулись «столыпины», вагоны в решётках. Колёса стучали пленникам – надежду? Скорее всего так.

Один из чудом спасшихся пленных писал: «Выйдя из вагона, я почувствовал острые запахи весны с полей и перелесков, где местами лежал снег. Было чудное утро, высоко в небе заливался жаворонок. Чуть в стороне от нашей стоянки была станция, но я не увидел на ней ни души. Локомотив наш уже отцепили, и он уехал. С другой стороны состава доносились какие-то звуки, но что там происходит, я не видел. Полковник спросил меня, не хочу ли я попить чайку...»[1]

Это было 30 апреля 1940 года, станция Гнёздово. Фамилия пленного – Свяневич. Тех, с кем он ехал из лагеря, увозили куда-то дальше, в сторону леса, профессор наблюдал за этим сквозь вентиляционную щель вагона.

---

[1] В. Абаринов. Катынский лабиринт. М. новости, 1991, с. 35.

Польский военный, расстрелянный в Катынском лесу

А самого Свяневича вскоре отправили в Смоленск, оттуда – на Лубянку... Профессор заглянул в ледяные очи Коцита-Катыни через вентиляционную щель. Зачем его забрали? Внезапно стало известно, что Станислав Станиславович Свяневич профессор Виленского университета, крупный специалист по экономике, имеющий связи с германскими университетскими кругами. На Лубянке профессор писал труд о германской методике расходов на вооружение.[1]

Другому автору записок о плене, майору Адаму Сольскому, как и остальным обречённым, не повезло: «С 12 часов стоим в Смоленске на запасном пути. 9 апреля подъём в тюремных вагонах и подготовка на выход. Нас куда-то перевозят в машинах. Что дальше? С рассвета день начинается как-то странно. Перевозка в боксах «ворона» (страшно). Нас привезли куда-то в лес, похоже на дачное место. Тщательный обыск. Интересовались моим обручальным кольцом, забрали рубли, ремень, перочинный ножик, часы, которые показывали 6.30...»

Больше майор уже ничего не напишет. Наркомом и остальными членами кремлёвской заоблачной твердыни он был обручён со смертью. В лесу ему обожгло затылок, и лес тут же лопнул кровью и чернотой. Раз за разом раздавались выстрелы, вскрики, хрипы и стоны. И даже вороны здесь не летали. Только урчали «воронки». Катынский лес захлёбывался польской кровью – и не захлебнулся, нет...

А как будто кровь выкрасила стволы этих сосен. Редкие посетители в этот первый сентябрьский день, как и мы, молча глядели на сосны, кресты,

[1] Там же, с. 37.

Катынский лес

плиты с фамилиями, датами, именами.

Кровь в соснах не только польская. Здесь НКВД расправлялся с нашими соотечественниками. Мемориал «Катынь» располагает списком 2988 советских граждан из архива УФСБ по Смоленской области, которые были расстреляны в Смоленске и – предположительно – захоронены в Катынском лесу. Вот некоторые имена из этого списка: Анощенков Фёдор Георгиевич, 1902 г. р., русский, слесарь; Антипов Семён Данилович, 1868 г. р., русский, сторож; Арайс Артур Мартынович, 1907 г.р., латыш, актер; Ардаматский Андрей Степанович, 1879 г.р., русский, учитель; Балабкин Тихон Евдокимович, 1893 г.р., белорус, бухгалтер-экономист; Бирич Карп Захарович, 1889 г.р., белорус, машинист; Васильев Алексей Васильевич, 1899 г.р., русский, мастер заготовительного участка; Ветров Иван Григорьевич, 1888 г.р., русский, крестьянин-единоличник; Винников Лейба Абрамович, 1878 г.р., еврей, служащий; Виммер Отто Матвеевич, 1883 г.р., немец, судебный химик; Комашевская Анна Иосифовна, 1883 г.р., русская, домохозяйка; Войчук Антон Андреевич, 1897 г.р., поляк, конюх; Дельвер Эльза Петровна, 1911 г.р., латышка, учительница; Демидова Анастасия Михайловна, 1887 г.р., русская, домохозяйка; Доронин Егор Исаевич, 1904 г.р., русский, курсант; Егоркин Андрей Филиппович, 1884 г.р., русский, кузнец; Ермаков Пётр Никифорович, 1901 г.р., русский, председатель колхоза... Вздрогнул, увидев эту фамилию. Моего деда тоже звали Петром, но в 41 он был на фронте.

Слесарь, учитель, крестьянин-единоличник, машинист, актёр, домохозяйка, латыш, русский, еврей, белорус... Домохозяйка, конечно, представляла большую угрозу государству. И другая домохозяйка. И учительница. И конюх...

Те, кто молится на Сталина и всю эту кровавую камарилью, может, в будущем обречены читать эти списки? И сами вершители судеб, и рядовые палачи обречены вчитываться в списки, бродить по лабиринтам, как этот, Катынский, с ржавыми железными плитами и вслух повторять имена – сотни, тысячи, миллионы имен? Ни на секунду не прерываясь?

Правда, приведённые имена – лишь на бумаге и на сайте мемориала «Катынь». А польские, как и немецкие на Немецком кладбище, – на плитах.

Что ж, надо и об этом поговорить.

Мемориальный комплекс производит странное впечатление. Польский участок захоронений здесь отделён оградой от захоронений советских. Зачем? Неужели и на том свете будут подобные разделения между жертвами? Впрочем, да, всё это ещё по сю сторону... Но устроители мемориала могли бы взять более высокий ракурс, более высокую точку зрения. Не смогли или не захотели. Или захотели откреститься от нашего беспамятства? Узрели тот самый капкан беспамятства? А ведь и впрямь, вот вам наглядное представление: польский участок и наш, там имена и даты, здесь – кресты и насыпи или даже вовсе разрытые и затянутые травой и мхом могилы. Вне ограды мемориального комплекса есть так называемая Долина смерти, там эти разрытые могилы и могилы с деревянными крестами. Представление о чём? О памяти и беспамятности? О разнице национальных характеров? В конце концов, о Западе и Востоке?

Могила в «Долине мёртвых»

Правда, в Долине смерти высится большой камень с надписью о том, что здесь расстреляны советские граждане. Но – снова безымянный.

Такие же безымянные кладбища есть и в самой Польше. Кто начинает разузнавать подробности о Катынском расстреле, неизбежно «оказывается» там, где в 1919 –1921 годах были лагеря для пленных красноармейцев, в Тухоли, в Стшалкове. В эти годы шла советско-польская война. Военнопленных, по разным оценкам, было от 60 000 до 130 000. Не только в этих, но и в других лагерях, выстроенных в Первую мировую войну. Пленные содержались в жутких условиях: голодные, оборванные, больные, на досках и земле, под навесами, в землянках, в бараках, завшивленные, а раненные – в червях. Польские историки дружно нажимают на всеобщие трудности после Первой мировой войны, нехватку средств, на эпидемии холеры, тифа, испанки – разновидности гриппа. Нам, из другого века, приходит мысль о простом решении всех этих трудностей: отпустить пленных, а не мучить их голодом и холодом. Но отпустить их не могли. Пленные – это «товар обмена» на таких же пленных или какие-то уступки. Такова природа любого государства: система насилия и всеобщего договора зиждется на крови. Иного, к сожалению, не дано. Возможно, пока.

Польский крест

От голода, болезней, расстрелов, жестокостей лагерного начальства в Польше погибло более двадцати тысяч военнопленных, наших соотечественников. И это факт, который признают и польские историки, правда, уменьшая число погибших на две-три тысячи. «Торг» между государствами продолжается...

На месте бывших лагерей Тухоли и Стшалкова есть кладбища, в Тухоли, как пишут, в жалком состоянии, посреди свалки строительного мусора и сточных канав, в Стшалкове в более приемлемом виде, с каменным крестом на постаменте, поставленным ещё немецким комендантом лагеря в 1914 году, но тоже заросшее, неухоженное и без имён. Почему?

...Не даёт ответа...

И Катынский лес молчит по-русски и всё-таки говорит по-польски.

По-русски споры о нём кипят в других местах, на форумах, в газетах. Сталинисты доказывают, что записка Берии о расстреле – фальшивка, что вообще Сталина подставляли Ежов, Берия и т. д. Любопытно, что все эти сообщения попались на каком-то сайте с ясно прописанной триадой вместо слогана: Православие, Самодержавность, Народность. По логике этих «товарищей-господ», Сталин и есть православный самодержец?.. Ну да, он же в семинарии учился в младые лета... Православный вот такой атеист. Хотя ведь и Грозный был православным, но жил-то вовсе не по-христиански. Видимо, тут срабатывает логика по аналогии у православных народников: что Грозный, что Сталин.

И что такое для них жизнь и судьба какого-нибудь польского студента, застреленного в Катынском лесу, или кузнеца Егоркина Андрея Филипповича?

Их жизни стали деревьями. Это и есть – Катынский лес.

...И ходить по его мшистым тропинкам тяжело. Да тут ещё и беспокойные охранники в чёрных комбинезонах вопросительно выглядывают, идут по стопам. Один из них к нам подошёл и поинтересовался, что мы тут делаем. Мол, они давно за нами наблюдают, здесь же камеры всюду. Странный вопрос. Это же мемориал, вход свободный, хотя мы и вошли со стороны леса, а не дороги. Ну да, отвечал охранник, но вы вот снимаете, а потом да-

Крест в «Долине мёртвых»

дите такую какую-нибудь передачу обо всём тут... Мы заверили его, что у нас не камера, а фотоаппарат, просто он на треноге, и всё. И фотографируем для себя. Охранник немного успокоился и ушёл. Но позже появился другой, шёл за нами по пятам даже вне ограды мемориала, выглядывал из кустов.

Да что же такое ещё можно здесь увидеть?! О чём можно подумать и рассказать, если – вот рассказы на плитах и соснах, вот польское кладбище с именами и колоколом, а вот наше, с голыми крестами. Вот Долина смерти с провалами – в земле и памяти. Почитатели «православного атеиста» хотели бы и вовсе всё обрушить в один провал и на его месте возвести новый СССР, полный соглядатаев за каждым углом и стволом, с капканами беспамятства. Но это – непрочное основание. И вчерашний день. Не повернуть реку времени вспять.

На берегу мёртвых сошлись Восток и Запад. К центральной части этого берега – к Гнёздовским курганам – мы уже относимся философски. Днепр, как река времени, здесь достаточно охладился. А в Катынском лесу – нет. Быть в нём тяжело физически.

...И когда мы оставили позади этот лес и зашагали по трассе в сторону Гнёздова, потому что упустили автобус, почувствовали какое-то освобождение. По незначительному поводу рассмеялись – и уже не могли остановиться, смеялись на грани нервного срыва.

Да это нервный срыв и был, мгновенный, как вспышка.

И возвращаться туда уже не хочется. Но побывать там каждому – необходимо. Это что-то вроде болезненной прививки.

* * *

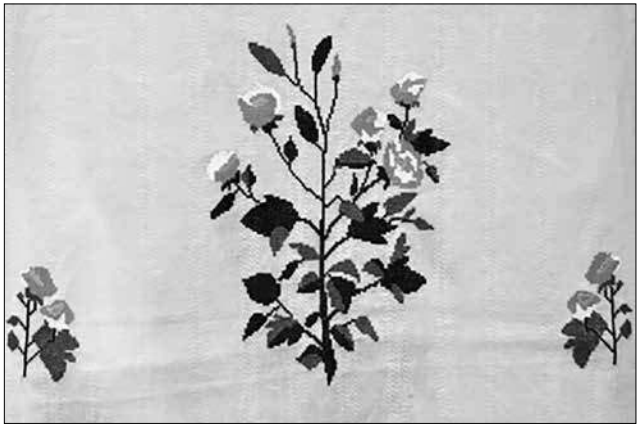
Галина Павловна Быстрова

И всё-таки берег мёртвых – метафора. Ведь там жили и живут люди. В Гнёздове проходят реконструкции ремёсел и средневековых боёв, интересные фестивали. На одном таком мы познакомились с удивительной женщиной, мастерицей-вышивальщицей Галиной Павловной Быстровой.

Работала она вахтёром в Доме культуры в Гнёздове, увидела, как женщины и девочки сидят, вышивают в тамошнем кружке, попробовала – и пристрастилась. Да, именно так, в ней вдруг вспыхнула настоящая страсть к краскам и орнаментам, древним фигурам и знакам. И погрузилась она в этот запредельно условный мир с головой.

Ведь её вышивки как картины, никто не носит этих вещей, никто не утирается расшитыми полотенцами.

И мало кто уже понимает язык символов древних славян. А в ней словно источник пробился, только выплёвывает он не воду, а нить, как один персонаж уже далёкой и чужой мифологии – выплёвывавший шёлковые нити.



Вышивка Г.П. Быстровой

Гнёздовский археологический комплекс

А в стихотворении уже упоминавшегося поэта Макаренкова эта нить ниспадает с чудесного веретена, прибитого вместо флюгера на крыше дома, что стоит «Между Азией и Европой, / Между идолом и крестом». Это стихотворение так и называется – «Нить». По странному совпадению, прочитал я его впервые, заканчивая этот очерк, буквально в самую последнюю минуту, Макаренков только что прислал этот стих. Там есть такие строфы:

Приходили купцы с товаром.
Били оземь послы челом.
– Я отдал бы вам нить задаром!
Да рассыплется отчий дом.

Что с того, что давно клубится
На растущем веретене!
Эта нить из земли струится
И лучится в каждом бревне.

А наша Галина Павловна и тянет эту древнюю нить самозабвенно и совершенно бескорыстно, вплетает её в рушники и полотна, расцветающие яркими узорами и фигурками...

Смотришь в её синие днепровские дремотные глаза и думаешь – сейчас запоёт колыбельную... А какую же ещё? В её пальцах словно рождается заново древнее время. И, сплетаясь с нашим временем, вспыхивает узором жизни.

Берег мёртвых – берег живых. И в этих берегах течёт Россия – к неведомому морю.